

Этнографическое обозрение, год 2-й, кн. 5
1890, № 2; с. 110—129.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ БЫЛИННЫХЪ СЮЖЕТОВЪ.

I.

*Добрыня въ отъездѣ и выходѣ его
жены за мужъ за Алешу Поповича.*

Насколько мы знаемъ, до сихъ поръ не была отмѣчена изслѣдователями нашего эпоса параллель, представляемая названному сюжету одной турецкой сказкой, пересказанной поэтомъ Лермонтовымъ. Эта сказка, которую Лермонтовъ озаглавилъ „Ашикъ – Керибъ“, т. е. пѣвецъ – странникъ, отнесена издателями поэта къ 1841 году, который Лермонтовъ большей частью провелъ на Кавказѣ, гдѣ и могъ услышать заинтересовавшее его восточное сказаніе. Передаемъ въ главныхъ чертахъ содержаніе этой сказки, чтобъ дать возможность каждому знакомому съ

былинами о Добрынѣ судить, насколько она близка къ послѣднимъ и по главному мотиву, и по нѣкоторымъ деталямъ .

У одного богатаго турка, жившаго въ Тифлисѣ, была красавица–дочь по имени Магуль–Мегери. Въ томъ же городѣ жилъ бѣдный юноша, пѣвецъ и музыкантъ, Ашикъ–Керибъ . Онъ ходилъ играть на саазѣ (балалайкѣ) на свадьбахъ и случайно встрѣтился съ Магуль–Мегери. Они полюбили другъ друга и рѣшили стать мужемъ и женою.

Но Ашикъ–Керибъ рѣшилъ отложить свадьбу на семь лѣтъ , чтобъ составить себѣ состояніе въ чужихъ краяхъ , такъ какъ не хотѣлъ , чтобъ богатая жена впослѣдствіи попрекала его

бѣдностью. Магуль–Мегери согласилась ждать его 7 лѣтъ , но прибавила, что если онъ въ назначенный день не вернется, она станетъ женою Куршудъ–бека, который уже давно за нее сватается. Ашикъ –

Керибъ, взявъ благословеніе у матери, отправился странствовать. Къ нему въ спутники навязался его соперникъ Куршудъ –бекъ, и когда Ашикъ, снявъ верхнее платье, переплывалъ одну рѣку, Куршудъ –бекъ схватилъ его платье, принесъ его къ его старой матери невѣстѣ и увѣрилъ ихъ, что онъ потонулъ. Однако невѣста не повѣрила разсказу Куршудъ –бека и продолжала ждать жениха. Между тѣмъ Ашикъ –Керибъ странствуетъ изъ города въ городъ и своей игрой и пѣснями пріобрѣтаетъ славу. Въ городѣ Халафъ онъ такъ пришелся по сердцу одному пашѣ, что тотъ поселилъ его у себя и осыпалъ подарками. Ашикъ сталъ очень богатъ и жилъ весело. Когда сталъ истекать назначенный имъ срокъ, Магуль –Мегери, безпокоясь о женихѣ, дала одному купцу, отправлявшемуся съ караваномъ изъ Тифлиса, золотое блюдо, поручивъ ему всюду, гдѣ онъ будетъ, выставлать это блюдо и объявлять, что онъ отдастъ его тому, кто признаетъ его своимъ. Долго не объявлялся хозяинъ блюда. Наконецъ въ

Халафъ въ лавку купца вошелъ Ашикъ – Керибъ, призналъ блюдо, и купецъ объяснилъ ему, что Магуль–Мегери ждетъ его съ нетерпѣніемъ и что, если онъ не вернется въ назначенный срокъ, до котораго оставалось лишь 3 дня, она выйдетъ замужъ за Куршудъ – бека. Ашикъ – Керибъ въ сильномъ волненіи поскакалъ въ Тифлисъ, но измученный конь его палъ на Арзиньянь – горѣ между Арзиньяномъ и Арзерумомъ. Что было дѣлать Ашикъ – Керибу? Отъ Арзиньяна до Тифлиса два мѣсяца ѣзды, а оставалось только два дня. Ашикъ въ отчаяніи хотѣлъ уже броситься съ высокаго утеса, какъ вдругъ увидѣлъ всадника на бѣломъ конѣ. Всадникъ подъ угрозой смерти велѣлъ ему слѣзть съ утеса и слѣдовать за собою. Когда Ашикъ сталъ отставать, жалуясь на усталость, онъ велѣлъ ему сѣсть сзади себя на коня и спросилъ, куда ему нужно ѣхать. Ашикъ сказалъ, что въ

Арзерумъ . Всадникъ велѣль ему зажмуриться, и они мгновенно очутились въ Арзерумѣ.

— „Виновать, ага, сказалъ Ашикъ, я ошибся; я хотѣль сказать, что мнѣ надо въ Карсъ”. Всадникъ велѣль опять закрыть глаза, и чрезъ мгновеніе они были уже въ Карсъ. — „Виновать, ага, сказалъ Ашикъ, но ты самъ знаешь, что если человѣкъ рѣшился лгать съ утра, то долженъ лгать до конца дня. Мнѣ по настоящему надо въ Тифлисъ”. Всадникъ разсердился, но все же простилъ Ашика, и они очутились у воротъ Тифлиса. Ашикъ, поблагодаривъ чудеснаго всадника, просить у него какого-нибудь знака, по которому люди могли бы повѣрить истинѣ случившагося съ нимъ, и всадникъ даетъ ему комокъ земли изъ-подъ копыта своего коня, сказавъ, что этимъ комомъ можно вернуть зрѣніе слѣпой.

Когда всадникъ исчезъ, Ашикъ убѣдился, что это былъ Хадеръ-Иліазъ

(св. Георгій).*) Отыскавъ ночью свой домъ, Ашикъ стучится и просить у матери своей ночлега именемъ ея сына. Старуха, ослѣпшая отъ слезъ, колеблется его впустить, но сестра Ашика уговариваетъ мать, и онъ входитъ въ домъ. Здѣсь онъ беретъ висящій на стѣнѣ свой саазъ, который за семь лѣтъ даже не разстроился, ударяетъ по струнамъ и поетъ, что онъ сынъ старухи, чудесно вернувшійся при помощи Хадеръ – Иліаза. Она не повѣрила ему и все спрашиваетъ его, когда вернется ея сынъ, отсутствующій уже 7 лѣтъ. Затѣмъ онъ просить старуху позволить ему взять саазъ ея сына, чтобъ пойти играть на свадьбу. Старуха едва согласилась, а дочь прокралась за Ашикомъ и стала за дверью дома, гдѣ справлялась свадьба Магуль – Мегери, чтобъ узнать, что будетъ. Между тѣмъ Магуль – Мегери рѣшилась лучше умереть, чѣмъ стать женой Куршудъ – бека. Она сидитъ за пологомъ, держать въ одной рукѣ чашу съ ядомъ, въ другой — кинжалъ.

*) Такъ у Лермонтова, но собственно Хадеръ – Иліазъ есть святой Илья, весьма чтимый мусульманами.

Вдругъ слышитъ голосъ какого то незнакомца, который вошелъ въ домъ и просить позволенія

спѣтъ пѣсню. Куршудъ–бекъ, не узнавъ Ашика, приглашаетъ его: „Сюда должны быть впускаемы пѣсенники и плясуны, говоритъ онъ, потому что здѣсь свадьба”. Ашикъ –Керибъ въ пѣснѣ рассказываетъ, что онъ въ 3 дня изъ Халафа прибылъ въ Тифлисъ. Слыша его пѣсню, Магуль–Мегери признала его по голосу, бросила въ сторону ядъ и кинжалъ, прорѣзала въ пологъ дыру и взглянула на пѣвца. Убѣдившись, что это ея женихъ, она, пренебрегая женской скромностью, выскочила изъ –за полога и бросилась ему на шею. Братъ Куршудъ –бека хотѣлъ заколотъ ихъ обоихъ, но Куршудъ –бекъ остановилъ его словами: „Успокойся и знай: что написано у человѣка на лбу при его рожденіи, того онъ не минуетъ.” Онъ призналъ Ашикъ –Кериба, но требовалъ,

чтобъ онъ подтвердилъ свой чудесный рассказъ о Хадеръ –Иліазѣ. Ашикъ велѣлъ привести слѣпую и обѣщаль исцѣлить ее въ доказательство истины своихъ словъ. Подслушивавшая у двери сестра его бросилась домой за слѣпой матерью и привела ее. Ашикъ приложилъ ей къ глазамъ полученный отъ Хадеръ –Иліаза комъ земли, и она прозрѣла. Тогда всѣ увѣровали въ рассказъ Ашика, и Куршудъ –бекъ безмолвно уступилъ ему прекрасную Магуль–Мегери. Тогда въ радости Ашикъ –Керибъ сказалъ ему: „Послушай, Куршудъ –бекъ, я тебя утѣшу. Сестра моя не хуже твоей прежней невѣсты; я богатъ, у нея будетъ не меньше серебра и золота; итакъ возьми ее за себя, и будьте такъ же счастливы, какъ ясь моей дорогой Магуль–Мегери”.

Сходство въ *общемъ* мотивѣ между приведенной восточной сказкой и былинами о Добрынѣ въ отъѣздѣ бросается въ глаза. Подчеркнемъ *спеціально* сходныя черты обоихъ рассказовъ.

1. Уѣзжая въ дальнюю сторону, Добрыня ставитъ женѣ своей опредѣленный срокъ (6 лѣтъ, или 3 года, или 9 лѣтъ), послѣ котораго она можетъ выйти замужъ. Также поступаетъ Ашикъ – Керибъ относительно своей невѣсты.

2. Алеша Поповичъ привозитъ женѣ Добрыни „вѣсточку нерадостную”, что нѣтъ въ живыхъ Добрыни Никитича. Таковую

же вѣсть о гибели Ашикъ – Кериба привозитъ его невѣстѣ Куршудъ – бекъ.

3. „Желешенько плакала матушка Добрыни, слезила она очи ясныя по своему родномъ дитяткѣ” (Кир. II, 33). Мать Ашикъ – Кериба выплакала себѣ глаза о сынѣ такъ, что даже ослѣпла.

4. Жена Добрыни, вѣроятно не повѣрила разсказу Алеши, потому что ждала мужа сверхъ условленныхъ 6 лѣтъ еще столько же. Магуль – Мегери также не повѣрила разсказу Куршудъ – бека.

5. Получивъ вѣсть о предстоящей свадьбѣ своей жены съ Алешей, Добрыня необыкновенно быстро является въ Кіевъ: его бурка „на гору поскакиваетъ, рѣки–озера перескакиваетъ, мимо башни черезъ стѣну городовую перемахнулъ” (Кир. II 34). Ашикъ–Керибъ скачетъ на чудесномъ конѣ Хадерь–Иліаза и въ 2 дня проѣзжаетъ двухмѣсячный путь.

6. По пріѣздѣ Добрыня прежде всего идетъ къ матери, которая сначала не признаетъ его, а затѣмъ объявляетъ, что Настасья выходитъ замужъ за Алешу Поповича. Слепая мать Ашикъ–Кериба не признала сына, пока не прозрѣла.

7. Добрыня, переодѣвшись скоморохомъ, беретъ гусли, идетъ на свадебный пиръ ко Владиміру и поетъ пѣсню съ намеками на себя и жену („гдѣ это видано да слыхано, отъ жива мужа замужъ идти”, Кир. 11, 7). Ашикъ–Керибъ въ видѣ пѣсенника съ саазомъ идетъ въ домъ, гдѣ происходитъ свадьба, и поетъ про себя.

8. Жена Добрыни, признавъ его, забывая скромность, хочет перескочить къ нему черезъ столъ (Кир. II, 14: „прямо скочу, обезчещу столы”).

Такое же нарушение скромности позволяетъ себѣ Магуль–Мегери, выскочивъ изъ –за полога къ мужчинамъ и бросившись въ объ ятія Ашикъ –Кериба.

При совпадении этихъ деталей, нельзя, однако, не отмѣтить, что въ восточной сказкѣ мы находимъ рядъ другихъ, неизвѣстныхъ нашимъ былинамъ. Добрыня лишь случайно играетъ роль гуслеяра, — между тѣмъ какъ Ашикъ –Керибъ — пѣвецъ и музыкантъ по профессіи. Отъ ѣздъ Добрыни недостаточно

мотивированъ, и неизвѣстно, что онъ дѣлалъ на чужбинѣ въ теченіе 12 лѣтъ. Отъ ѣздъ Ашикъ –Кериба мотивированъ желаніемъ добыть денегъ для женитьбы. Жена Добрыни ничего не дѣлаетъ, чтобъ разыскать мужа, — Магудъ–Мегери

поручаетъ владѣльцу каравана разыскивать жениха. Добрынѣ помогаетъ быстро вернуться его „бурушка“, Ашикъ – Керибу Хадерь – Иліазь . Ашикъ – Керибъ возвращаетъ матери зрѣніе, чего нѣтъ въ нашихъ былинахъ о Добрынѣ. Наконецъ , у Ашика есть сестра, которая затѣмъ выходитъ замужъ за Куршудъ – бека. Впрочемъ , хотя въ былинахъ объ отъ ѣздѣ Добрыни не упоминается его сестра, но она извѣстна изъ былинъ о его связи съ Маринкой, гдѣ она называется иногда Катериной Никитичной и играетъ значительную роль.

Въ общемъ отношеніе между разсмотрѣнной восточной сказкой и былиной таково, какъ между оригиналомъ и копіей. Мы не можемъ утверждать, что въ основѣ былины лежитъ именно та редакція сказки, которую слышалъ и передалъ Лермонтовъ ; ибо въ такомъ случаѣ былинный рассказъ представится уже слишкомъ скомканнымъ и урѣзаннымъ . Но все же непосредственный оригиналь былины *весьма* близокъ къ

приведенной сказкѣ и по всей вѣроятности пришелъ въ нашъ эпосъ съ востока, а не съ запада. По крайней-мѣрѣ, всѣ до сихъ поръ приводимыя изслѣдователями западныя параллели разсматриваемаго сюжета представляютъ несравненно меньшее сходство въ деталяхъ съ былиной, чѣмъ лермонтовская сказка. Отсылая за провѣркой этого положенія къ изслѣдованіямъ О. Миллера (Илья Муромецъ, стр. 523 и слѣд.), Кирпичникова (Поэмы ломбардск. цикла, стр. 179 а также 13, 58 и 182), Дашкевича (Алеша Поповичъ, стр. 49), Шифнера (Bullet, de l'Acad. Imp. des Sc. de S. Petersb. IV, 279), Халанскаго (Великорусск. былины кievскаго цикла гл. III, 13), ограничиваемся предположеніемъ, что разсмотрѣнная восточная сказка, вѣроятно, проникла въ нашъ эпосъ, какъ нѣкоторые другіе сюжеты, съ Кавказа чрезъ тюркскую (половецкую?) среду и была приурочена къ Добрынь по какимъ то, не вполне для насъ яснымъ, мотивамъ.

II.

*Эстонскій вариантъ сказанія о боѣ
отца съ сыномъ.*

Въ одномъ изъ засѣданій „Эстонскаго ученаго Общества” въ прошломъ году профессоръ Дерптскаго университета Л. Шрёдеръ сдѣлалъ интересное сообщеніе объ одной эстонской сказкѣ и ея параллеляхъ въ индо-германскомъ сказочномъ мірѣ (Ein estnisches Märchen und seine Parallelen in der indo-germanischen Sagenwelt). По словамъ референта, онъ слышалъ эту сказку отъ одной дамы, которая много лѣтъ тому назадъ слышала ее отъ своей няньки, знавшей множество эстонскихъ народныхъ сказокъ. Сказка, изложенная и сопоставленная съ другими однородными проф. Шрёдеромъ, носитъ заглавіе: *Kiwwi-al* или *человѣкъ съ силой подъ камнемъ*. Въ виду интереса, который она представляетъ для исторіи распространенія сюжета о борьбѣ отца съ сыномъ, передаемъ подробно ея содержаніе.

Быль одинъ человекъ , превосходившій всѣхъ людей своею силою; онъ ломалъ все, къ чему прикасался, и пожатіемъ руки раздроблялъ величайшіе камни на мелкія крошки. Нанявшись работникомъ на мельницу, онъ сломалъ по неосторожности жерновъ , продавилъ лѣстницу и разрушилъ всю мельницу, такъ что хозяинъ долженъ былъ ему отказать. У другого хозяина, гдѣ онъ нанялся рубить лѣсъ , онъ вырывалъ рукою деревья съ корнями и сваливалъ ихъ такъ неосторожно, что они разлетались въ щепки. У третьяго хозяина, приказавшаго ему запрещъ воловъ въ плугъ , онъ одному волу продавилъ ребра, другому случайно оторвалъ голову. Убѣдившись, что сила его въ полномъ объѣмѣ вредна, онъ спряталъ часть ея подъ большимъ камнемъ и получилъ отсюда имя *Kiwwi-al* или человекъ „съ силой подъ камнемъ”. Киввиаль видѣлъ многихъ дѣвушекъ , но ни одна не пришлась ему по сердцу. Однажды онъ встрѣтилъ маленькую курочку и взялъ ее себѣ въ жены. Курочка снесла яйцо, а изъ яйца

вышелъ мальчикъ , котораго назвали Капа-роег, т. е. курицынъ сынъ .

Отецъ соскучился сидѣть дома и отправился искать приключеній по свѣту. Оставляя курочку, онъ далъ ей волчійзубъ на серебряной цѣпочкѣ и велѣлъ привязать его мальчику на шею, говоря, что узнаеть его впослѣдствіи по этой примѣтѣ. Затѣмъ онъ перешелъ чрезъ море въ Финляндію, гдѣ ему очень понравилось, и онъ забылъ на новыхъ мѣстахъ курочку, сына и родину. Онъ совершилъ много подвиговъ , сражался съ неприятеlemъ , съ могущественными восточными королями, со страшными лопарскими колдунами, и имя его прославилось во всѣхъ земляхъ . Въ Финляндіи же онъ женился и имѣлъ много сыновей и дочерей.

Однажды возгорѣлась война между финляндцами и соотечественниками Кивви-аля. Онъ побилъ много народа и не встрѣчалъ супротивника, разбивалъ даже

одинъ цѣлое войско. Вдругъ изъ непріятельскаго войска вышелъ противъ него прекрасный юноша и вызвалъ его на бой. Противники бились цѣлый день, и къ вечеру юноша повалилъ Кивви-аля. Онъ могъ бы тутъ же убить Кивви-аля, но пощадилъ его. Кивви-аль былъ сильно раздраженъ : въ первый разъ въ жизни онъ былъ побѣжденъ противникомъ . Вотъ онъ рѣшилъ взять обратно всю свою прежнюю силу и снова биться съ юношей. Когда онъ шелъ къ тому мѣсту, гдѣ спряталъ свою силу, стоящая на пути береза кликнула ему: „не иди дальше, ты принесешь себѣ только печаль и горе!“ Кивви-аль пренебрегъ словами березы и пошелъ далѣе. Такое же предостереженіе сдѣлали ему по пути рябина, осина, тетеревъ, глухарь; но онъ не обратилъ никакого вниманія на ихъ слова, шагаль въ раздраженіи чрезъ поля, лѣса, болота и пришелъ къ камню, подъ которымъ нѣкогда сложилъ часть своей силы. Когда онъ хотѣлъ поднять камень, травы, цвѣты, кусты, деревья и птицы со всѣхъ сторонъ

подняли крикъ : „не дѣлай этого! не дѣлай этого!” Но онъ все-таки поднялъ камень. Тогда подземные карлики закричали, „не бери своей силы, не то быть бѣдѣ!” Оставивъ безъ вниманія всѣ эти предостереженія,

Кивви-аль, возвративъ себѣ всю прежнюю силу, отправился въ обратный путь и снова вызвалъ юношу на бой. Бой длился несколько часовъ . Наконецъ юноша упалъ , Кивви-аль наступилъ ему колѣномъ на грудь, разорвалъ одежду и хотѣлъ вонзить ему мечъ въ сердце.

Тутъ онъ увидѣлъ на юношѣ волчійзубъ на щѣпочкѣ. По этой примѣтѣ онъ узналъ сына, далеко отбросилъ мечъ и воскликнулъ : „ты мой сынъ , вставай, обними меня”. Но юноша уже не могъ подняться на ноги: отецъ такъ сильно надавилъ ему колѣномъ на грудь, что сломалъ ее. Юноша печально взглянулъ на отца, вздохнулъ и скончался. Кивви-аль въ

отчаяніи рвалъ себѣ волосы и громко стоналъ. Потомъ онъ, оплакавъ сына, похоронилъ его и вернулся въ Финляндію. Здѣсь онъ перебилъ всѣхъ дѣтей своихъ отъ финской жены, а самъ бросился внизъ съ высокой скалы и убится до смерти.

Въ своемъ этюдѣ объ этой сказкѣ проф. Шрёдеръ сравниваетъ ее съ другими сказаніями, относящимися къ тому же сюжету — съ иранскимъ, германскимъ, кельтскимъ, норвежскимъ, русскимъ — и приходитъ къ заключенію, что между всѣми европейскими сказаніями эстонское отличается наибольшей близостью къ иранскому (бою Рустема съ Сохрабомъ).

Спеціальныя сходныя черты обоихъ сказаній слѣдующія: сложеніе отцомъ части своей силы, слишкомъ для него обременительной (Кивви-аль прячетъ ее подъ камень, Рустемъ передаетъ горному диву), оставленіе сыну примѣты (волчій зубъ — драгоцѣнный камень), отъѣздъ отца въ другую страну, усиленіе сыномъ отца въ первомъ бою, возвращеніе отцомъ прежней силы въ полномъ объѣмѣ и трагическій

исходъ его боя съ сыномъ . Большинство этихъ подробностей встрѣчается съ нѣкоторыми измѣненіями и въ русскихъ былинахъ обоѣ Ильи съ сыномъ , которыя, при детальномъ разборѣ, обнаруживаютъ большее сходство съ иранскимъ изводомъ , чѣмъ всѣ прочіе европейскіе пересказы¹⁾.

Что касается объясненія этихъ детальныѣхъ совпаденій между эстонскимъ и иранскимъ пересказами одного и того же сюжета, то проф. Шрёдеръ склоненъ объяснить ихъ заимствованіемъ эстами иранскаго сюжета въ средніе вѣка. Вотъ , что онъ говоритъ по этому поводу: „Такое заимствованіе, такое странствованіе персидскаго разсказа къ эстамъ могло совершиться въ средніе вѣка, когда, по свидѣтельству многочисленныхъ кладовъ арабскихъ монетъ , шель торговый путь съ востока чрезъ нашу страну (Эстляндію);

¹⁾ Подробное доказательство этого положенія будетъ нами представлено въ другой работѣ.

иначе нужно предположить, что заимствование произошло в новейшее время, под непосредственным влиянием сказания о Рустемъ и Сохрабъ в немецкой литературной обработкѣ. Последнее объяснение однако предполагает, что Эсты даже в новейшія времена были в состоянии переработать иностранный материалъ совершенно оригинально и в сравнительно короткое время настолько усвоили его себѣ, что онъ получилъ отпечатокъ національнаго эстонскаго произведенія. Это допущение кажется мнѣ мало вѣроятнымъ, и я склоняюсь къ предположенію, что заимствование, странствование этого разсказа изъ Персіи къ Эстамъ произошло в средніе вѣка.”¹⁾

Національно–эстонская переработка, на которую здѣсь намекаетъ г. Шредеръ, состоитъ в томъ, что в иноземное сказаніе были внесены нѣкоторыя черты, встрѣчающіяся в другихъ эстонскихъ сказкахъ. Таковы: оригинальная связь богатыря съ курицей и рожденіе

¹⁾ Стр. 21 отд. оттиска.

богатырскаго сына изъ яйца, съ чѣмъ можно сравнить рожденіе Линды изъ яйца тетерева; курицу напоминаетъ также дѣва Сальме (въ I пѣсни эстонск. поэмы Kalewiroeg), которая собственно также была цыпленкомъ; эстонской чертой представляется далѣе предостереженіе, получаемое богатыремъ отъ деревьевъ и птицъ, и вѣроятно волчій зубъ, какъ амулетъ²⁾.

Раздѣляя вполнѣ мнѣніе Шрёдера о заимствованіи эстами этого сюжета, мы, однако, какъ и онъ, не въ состояніи

уяснить, откуда ближайшимъ образомъ могли эсты получить этотъ восточный сюжетъ. Клады съ арабскими монетами и сасанидскія блюда въ Пермской губерніи (древней Біарміи) даютъ слишкомъ неопредѣленныя указанія. Пока приходится оставить этотъ вопросъ открытымъ за

²⁾ Стр. 9 отд. оттиска.

отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ для его рѣшенія.

Но нельзя не обратить вниманіе на то, что эстонскій пересказъ, какъ географически наиболѣе близкій къ нашимъ, доселѣ хорошо извѣстнымъ среди сказителей Олонецкой губерніи, представляетъ для нашего былиннаго эпоса значительный интересъ. Хотя и эстонскій рассказчикъ и русскій сказитель внесли оба въ достаточной степени свои національныя эпическія черты въ иноземный сюжетъ, и хотя поэтому въ *настоящемъ* своемъ видѣ эстонскій и русскій пересказы разнятся въ нѣкоторыхъ деталяхъ, но еще и теперь оба пересказа ближе всѣхъ другихъ европейскихъ къ иранскому, и можно предположить, что когда то они были и болѣе сходны между собой.

III.

Киргизскій вариантъ того-же сказанія.

Въ нашихъ былинахъ встрѣчается глухой намекъ на то, что связи Ильи съ бабой Горынинкой (дѣвкой Сиверьяничной, Латыгоркой и др.) предшествовалъ его бой съ нею. Такъ въ былинѣ Рыбникова I № 1 упоминается, что Илья побѣдилъ паленицу Авдотью Горынчанку и спалъ съ нею; въ былинѣ Рыбн. III № 14 Сиверьянична говоритъ сыну своему Сокольничку про Илью: „Онъ меня въ полѣ побилъ, со мной грѣхъ творилъ, съ того я тебя родила”. Нижеприводимый киргизскій вариантъ сказанія о боѣ отца съ сыномъ, сообщенный мнѣ А. А. Ивановскимъ, содержитъ въ значительно развитомъ изложеніи *этотъ* мотивъ и вообще представляетъ интересъ для вопроса о распространеніи рассматриваемаго сюжета.

Киргизская сказка была записана г. Ивановскимъ въ восточной части Чиликтинской долины (окаймляемой съ юга —

Тарбагатаемь , съ зап. — Монраковскими горами, съ сѣв. и вост. — Саурскими), въ Чоганобинскомь проходѣ, отъ киргиза Черно-Иртышской вол. Морсу Боромбаева.

„Одинъ магометанинъ здоровался съ русской дѣвицей. Магометанина звали Гали, русскую дѣвицу — Дарига. Ростъ Гали былъ 40 аршинъ , Дариги — 80. Дѣвица эта была такъ сильна, что всѣхъ побарывала. Вздумалъ разъ побороться съ ней и Гали. Когда онъ пришелъ къ ней, она чесала свои русые волосы. „Ты зачѣмъ пришелъ ?” спросила она Гали. — „Я пришелъ побороться съ тобой”. — „Подожди, пока я причешу свои волосы. Ступай на степь и жди тамъ”. Причесавъ волосы, Дарига собрала милліонъ своихъ людей. Они взяли коверъ и понесли ее на поле битвы. Поздоровавшись, борцы начали борьбу. Боролись 14 дней. Ни тотъ , ни другая не побороли. Безчисленное множество народа смотрѣло на эту борьбу.

Борьба продолжалась и на 15-й день. У дѣвицы силы еще прибавилось, а Гали замѣтно слабѣлъ. Она начала побрасывать его въ разныя стороны; онъ рукой касался уже земли. Его свита испугалась, и борцовъ розняли. Дѣвушку унесли домой, а Гали пошелъ въ горы молиться Богу. Ровно 14 дней молился онъ въ горахъ, прося Бога укрѣпить его силы. Къ нему отъ Бога явился пророкъ Гавріиль (Цабріил) и сказалъ :

„Иди, борись, Господь укрѣпилъ тебя”. — Дѣвица-же въ теченіе этихъ 14-ти дней все ѣла и съѣла она 100 хлѣбовъ и 100 барановъ. Этимъ она не насытилась, съѣла еще 100 хлѣбовъ и выпила 90 ведръ воды.

Черезъ 14 дней Гали и Дарига опять явились на поле битвы. Первымъ пришелъ Гали, а немного погодя, явилась и Дарига. Ее на золотомъ тронѣ принесли 500 богатырей. Когда они начали бороться во второй разъ, Гали сталъ сильно вертѣть дѣвицу. Она сказала: „Хотя я и сильнѣе тебя, но тебѣ помогаетъ самъ Богъ; оставь,

не бросай меня, я буду навѣки твоя”. Однако, несмотря на ея упрашиванія, онъ бросилъ ее очень высоко, но, не желая, чтобы она ушиблась, подставилъ ей, когда она падала, полу своего халата. Дѣвица была дочь царя ”Цаузатлă”, котораго

въ это время въ живыхъ уже не было. Отецъ, умирая, оставилъ Даригѣ все свое царство и завѣщалъ ей выдти замужъ за того, кто ее поборетъ. Дарига, послѣ борьбы съ Гали, обращается къ народу и говоритъ, что она, по завѣщанію отца, должна выйти за Гали. Народъ воспротивился сначала, но въ концѣ концовъ согласился. Она устроила пиръ на весь міръ и вышла за Гали замужъ. И себя, и весь свой народъ она обратила въ магометанство.

Гали послѣ свадьбы сталъ говорить женѣ, что онъ давно не бывалъ въ Мединѣ, и началъ просить ее, чтобы она отпустила его поклониться Богу. Она отпустила его на

три года. Когда онъ уже совсѣмъ собрался въ Медину, то, прощаясь, сказалъ женѣ: „Черезъ девять мѣсяцевъ и девять дней ты должна родить сына, которому будетъ имя „Сайдильда” и кромѣ того прибавилъ: „если на этомъ свѣтѣ не увидимся, то сойдемся навѣки на томъ свѣтѣ”. На прощаньи Дарига до того плакала, что заболѣла. — Послѣ отъѣзда мужа она ровно черезъ девять мѣсяцевъ и девять дней родила сына, котораго и назвала „Сайдильда”. Послѣ его рожденія, въ теченіе 90 дней, приходили къ ней „аксакалы” (уважаемые старцы, въ буквальн. переводѣ — „бѣлыя бороды”) и дѣлали „бату” (молитву), желая новорожденному славы, богатства и пр. Когда Сайдильда стала „бірцаста” (т. е. достигъ годоваго возраста), онъ уже бѣгалъ и былъ такъ силенъ, что всѣхъ мальчиковъ убивалъ однимъ щелчкомъ въ лобъ. Когда ему исполнилось два года („ікцаста”), мать отдала его учиться муллѣ. Но у муллы онъ ничего не дѣлалъ, такъ какъ зналъ самъ

лучше муллы. Родился и учился Сайдильда въ г. Катранѣ.

Однажды, когда ему было около трехъ лѣтъ, онъ идетъ по Катрану и видитъ что у его дома сидитъ какая-то старуха и съ нею мальчикъ. Сайдильда подходитъ къ старухѣ, щелкаетъ ея мальчика по лбу и убиваетъ его. Старуха встала и говоритъ: „Ты ходишь и убиваешь дѣтей; лучше иди и разыскивай своего отца”. Сайдильда пошелъ къ матери сталъ спрашивать ее, гдѣ его отецъ. Мать отвѣчала: „Милый мой, тебя еще не было, когда

твой отецъ ушелъ, и теперь онъ уже умеръ”. — „Если ты не скажешь, куда онъ ушелъ и гдѣ скрылся, я уйду отъ тебя и буду скитаться”. Мать испугалась и, боясь лишиться единственного сына, рассказала ему всю правду: „Когда я вышла за него, онъ ушелъ въ Медину; ступай и тамъ ищи его”. Сайдильда на прощаньи, цѣлуя мать,

сказаль ей: „Не скучай, — если я не вернусь, то поздороваемся на томъ свѣтѣ.”

Сайдильда ушелъ. По дорогѣ онъ встрѣчаетъ караванъ богатаго татарина. Хозяинъ каравана, узнавъ, что Сайдильда — сынъ начальника, взялъ его съ собой. Однажды имъ попался огромный змѣй, котораго татаринъ сильно испугался. Змѣй готовъ былъ съѣсть татарина, но Сайдильда спасъ его, убивъ змѣя красною палкой. Ударъ Сайдильды въ змѣя былъ такъ силенъ, что пробилъ въ землѣ семь рядовъ, и еслибы не божій „перше” (посланникъ), который, по повелѣнію Бога, задержаль палку Сайдильды, то послѣдній разсѣкъ бы землю пополамъ. Послѣ этого караванъ пришелъ въ одинъ городъ и, такъ какъ наступила зима, остался въ немъ зимовать. Остался съ караваномъ и Сайдильда.

Однажды Сайдильда увидѣлъ сонъ, будто—бы его отецъ пришелъ въ этотъ—же городъ и сказаль ему: „Милый мой сынъ, ты найдешь меня въ Меккѣ”. Какъ только наступила весна, Сайдильда оставиль

караванъ и пошелъ въ Медину. На половинѣ его пути лежалъ гор. Камгаи. Около города есть небольшая могила. Когда Сайдильда проходилъ мимо этой могилы, изъ нея вдругъ раздается голосъ : „тохта” (остановись)! Сайдильда остановился и прочиталъ „табарак” (молитву изъ корана). Изъ могилы выходитъ святой Цакуп, читаетъ „бату” и, желая Сайдильдѣ всего лучшаго, говоритъ : „тебя самъ Богъ и Магометъ направили сюда. Ты идешь разыскивать своего отца. Передай ему мое почтеніе” (sic). Сайдильда идетъ далѣе и приходитъ въ Медину, гдѣ въ то время былъ праздникъ „курман-айт” (3-дневный праздникъ для подаяній „зекет” — милостыни). По случаю праздника, въ Мединѣ было громадное стеченіе народа. Всѣ признали въ Сайдильдѣ человѣка ученаго и знатнаго рода и единогласно избрали его муллою главной мечети.

Магометъ , жившій тогда въ Мединѣ , узнаеть въ немъ сына Гали , его послѣдователя ; но зная , кто Сайдильда , онъ сталъ спрашивать объ этомъ его самого . Сайдильда — же , боясь , что Магометъ не отпуститъ его , ничего не сказалъ и ушелъ въ Мекку .

Такъ какъ еще продолжался „карман-аит” , то около Мекки происходили игры и борьба . Сайдильда изъ являетъ желаніе поборотья . Магометъ , узнавъ объ этомъ желаніи , посылаетъ изъ Медины въ Мекку посла съ приказомъ , чтобы всѣ боролись съ Сайдильдой . У Гали отъ первой жены было 9 сыновей . Сайдильда всѣхъ ихъ побарываетъ , а за ними побарываетъ и самага Гали , не зная , что это отецъ его . Гали спрашиваетъ Сайдильду : „Чей ты сынъ ?” — „Я одинъ сынъ у матери , — отвѣчаетъ Сайдильда , — мой старшій отецъ — пророкъ Магометъ , а родной отецъ — „хазрет” (святой) Гали” .

Обрадованный Гали обнимаетъ его и , цѣлуя , говоритъ : „любезный мой , ты — мой сынъ .” Сайдильда , услыхавъ это и

испугавшись, что побороць отца, вырывается отъ отца и убѣгаетъ въ горы. Вбѣжавъ на самую высокую верхушку, онъ ударяетъ по ней своей палкой, и на этомъ мѣстѣ образуется бездонная пропасть. Сайдильда говоритъ: „за то, что я побороць своего отца и мнѣ теперь такой стыдъ, лучше уйти въ землю”, и бросается въ эту пропасть, вмѣсто которой опять образовалась высокая гора”.

Отмѣтимъ нѣкоторыя детали киргизской сказки:

1) Богатырша–Дарига напоминаетъ богатыршу – мать Сокольника. Въ былинѣ Ефименка (№ VII) Златыгорка называется *сильной, преудалой* паленицей и *лютой*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дарига – царская дочь, и это напоминаетъ тѣ варианты русс. былинь, гдѣ сынъ Ильи называется Петромъ *царевичемъ* Золотничаниномъ (Гильф. № 226, 233), или Збутомъ – *королевичемъ* Борисомъ (Кирѣев. I № 6).

2) Побѣжденный въ первомъ бою Даригой, Гали прибавляетъ себѣ силы молитвой Богу и остается побѣдителемъ во

второмъ бою. Аналогію этому мотиву представляетъ, въ сказаніи Фердуси о боѣ Рустема съ Сохрабомъ, тотъ моментъ,

124

когда, послѣ неудачнаго второго боя съ сыномъ, Рустемъ молится Богу, и тотъ возвращаетъ ему всю его прежнюю силу въ русскихъ былинахъ — та черта, чтоу Ильи, лежавшаго подъ Сокольникомъ, по молитвѣ, прибыло силы вдвое. Но въ киргизской сказкѣ этотъ мотивъ *прибыванія силы* перенесенъ въ другое мѣсто — въ рассказъ о борьбѣ Гали (=Рустемъ =Илья) съ будущей матерью богатырскаго сына (Сайдильды =Сохраба =Сокольника).

3) Богатырскій сынъ въ киргизской сказкѣ, какъ и въ другихъ однородныхъ сказаніяхъ, растетъ не по днямъ, а по часамъ, и уже въ возрастѣ *трехъ лѣтъ* ѣдетъ отыскивать отца. О необыкновенной молодости героевъ, тождественныхъ съ Сайдильдой, говорятъ сказанія другихъ

народовъ : Сохрабъ отправляется на подвиги 12 лѣтъ , Сокольникъ имѣлъ по былинѣ Ефименка (№ VII) 12 лѣтъ , когда выѣхалъ изъ дому.

4) Сайдильда подвергается укорамъ за то, что своими богатырскими „шуточками” убиваетъ сверстниковъ , и получаетъ при этомъ совѣтъ ѣхать отыскивать отца. О своемъ отцѣ онъ *подъ угрозой* узнаетъ отъ матери. У Фердуси хотя не говорится о богатырскихъ „шуточкахъ ” Сохраба, но есть та подробность, что онъ въ возрастѣ 10 лѣтъ допытывается у матери (Техминэ) о своемъ отцѣ, причемъ также прибѣгаетъ къ угрозѣ. Въ кавказскихъ сказаніяхъ допрашиваніе матери съ „пристрастіемъ ” встрѣчается нерѣдко; такъ кабардинскій Ашамазъ , чтобъ заставить мать сказать ему имя убійцы его отца, сжимаетъ ей руки, въ которыхъ она держитъ горячій ячмень (Сбор. свѣд. о кавказ. горцахъ V, отд. II, стр. 66), а его двойникъ карачаевскій Ачимезъ обжигаетъ такимъ же способомъ матери руки горячей халвой (тамъ же, вып. III, отд. стр. 141). Въ нашихъ

былинахъ также упоминаются шуточки Подсокольничка. Такъ въ былинѣ Ефименка (№ V) говорится:

„Сталь же добрый молодець шести годовъ ,

Сталь онъ на улицу похаживать,
Сталь съ ребятишками поигрывать”.

Хотя въ этой былинѣ и не говорится, какого рода были эти игры, но, по аналогіи дѣтства Василя Буслаева и Константинушки, можно догадываться, что онѣ походили на шуточки Сайдильды;

„Онъ (Константинушка) шутку шутить не по-ребячьи,

А творки твориль не по маленькимъ :

Котораго возьметъ за руку,

Изъ плеча тому руку выломить ;

И котораго задѣнетъ за ногу,

По ногу оторветъ прочь;

И котораго хватить поперекъ хребта,

Тоть кричить –реветъ , окорачь ползеть ,

Безъ головы домой придетъ” (Кирѣев. III, стр. 117).

Можно думать, что за подобныя шуточки ребята

„Называли его (Подсокольничка) безотческимъ ,

Называли его склотышемъ (незаконнорожденнымъ)”.

Эти слова молодцу за обиду показались, и онъ выспрашиваетъ , какъ Сайдильда, объ отцѣ у матери.

5) Киргизская сказка получила религиозную, мусульманскую окраску. Гали (=Рустемъ) оставляетъ жену (Даригу–Техминэ), чтобъ отправиться въ Медину молиться Богу. Сайдильда не только богатырь, но и знатокъ корана и избирается въ Мединѣ муллою главной мечети. Въ Мединѣ же живетъ самъ пророкъ Магометъ , котораго Сайдильда называетъ своимъ старшимъ отцомъ . Богатырь Гали также за свои религиозные подвиги оказывается святымъ (хазретъ). Однако, сквозь эту мусульманскую окраску

просвѣчиваютъ нѣкоторыя черты болѣе примитивнаго характера. Такъ Сайдильда, хотя и знаетъ коранъ лучше всякаго муллы, однако убиваетъ въ шутку, щелчками по-лбу, неповинныхъ мальчиковъ – сверстниковъ. Да и въ Магометѣ чувствуется какое-то другое эпическое лицо. Онъ замѣнилъ собою того эпическаго царя, который, опасаясь обоихъ богатырей – отца и сына, – принимаетъ мѣры, чтобъ они другъ друга не узнали и вступили бы въ

бой. У Фердуси такую роль играетъ туранскій царь Афросіабъ, хотя и иранскій царь Кай-Каусъ нерасположенъ къ Рустему. Хотя киргизская сказка и измѣнила мотивы дѣйствій Магомета, но сохранила ту эпическую черту, что онъ содѣйствуетъ столкновению отца съ сыномъ.

6. Прежде, чѣмъ вступить въ борьбу съ Гали (=Рустемъ), Сайдильда (=Сохрабъ)

борется съ другими богатырями, которыхъ киргизская сказка называетъ сыновьями Гали. Въ сказаніи Фердуси этому соответствуетъ то, что Сохрабъ прежде, чѣмъ вступить въ бой съ отцомъ, побѣждаетъ другихъ иранскихъ богатырей и обращаетъ въ бѣгство самаго сильнаго между ними Туса, предводителя всего царскаго войска. Въ нашихъ былинахъ Сокольникъ обращаетъ въ бѣгство богатыря Добрыню, и Илья выступаетъ (какъ Рустемъ и киргизскій Гали) противъ сына только тогда, когда уже ему „некъмъ замѣниться” (Кир. I № 2).

7. На описаніи боя отца съ сыномъ, столь подробномъ у Фердуси и въ нашихъ былинахъ, киргизская скизка (по крайней мѣрѣ по записи г. Ивановскаго) не останавливается и только упоминаетъ результатъ боя. Сынъ оказывается сильнѣе отца. Такимъ оказывается въ первыхъ двухъ схваткахъ съ отцомъ и Сохрабъ, да и нашъ Сокольникъ сначала опрокидываетъ Илью. Затѣмъ въ сказкѣ слѣдуетъ „узнаніе”, и Гали любовно относится къ

побѣдившему его сыну. Казалось бы, что этимъ сказка должна бы кончиться. Но здѣсь—то всего яснѣе и замѣчается передѣлка, которой у киргизовъ подверглось древнее сказаніе, имѣвшее трагическій исходъ. Этотъ исходъ сохраненъ, но обстоятельства, его сопровождающія, измѣнены, и смерть сына получила новую мотивировку.

Въ виду религіозной окраски, Гали, какъ святой (хазретъ), не долженъ былъ совершить сыноубійство; между тѣмъ главный интересъ древняго сюжета боя отца съ сыномъ заключается именно въ его трагической развязкѣ. Желая сохранить этотъ интересъ, киргизскій рассказчикъ нашелъ исходъ въ томъ, что сынъ, поборовшій отца, подъ вліяніемъ утонченнаго чувства стыда, вызваннаго мыслью, что онъ поднялъ

руку на отца (хотя и по незнанію), кончаетъ жизнь самоубійствомъ.

Наши былины также въ огромномъ большинствѣ сохранили трагическій исходъ боя отца съ сыномъ, но, чтобъ *обълить* Илью въ сыноубійствѣ, ввели мотивъ о коварномъ покушеніи сына на спящаго отца. Такимъ образомъ, стремленіе сохранить древнюю трагическую развязку вызвало и въ русскомъ, и въ киргизскомъ эпосѣ переработку окончанія сказанія о боѣ отца съ сыномъ, новую мотивировку смерти сына, причемъ въ томъ и другомъ эпосѣ съ отца снята всякая нравственная отвѣтственность за смерть сына, чего нельзя сказать ни про иранскаго Рустема (у Фердуси), ни про кавказскаго Ростомъ (см. мою статью: Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ. Этногр. Обозр. кн. II, стр. 9, 14, 17.)

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ одной любопытной подробности киргизской сказки, хотя эта подробность не имѣетъ никакого отношенія къ основному сюжету. Когда Гали приходитъ къ богатыршѣ Даригѣ, чтобъ вызвать ее на борьбу, она занята *расческой своихъ волосъ* и просить

его подождать ее въ степи, пока она кончитъ это занятіе. Подобная черта встрѣчается въ одной болгарской пѣснѣ въ сборникѣ Дозона (№ 42), воспѣвающей „московскую кралицу”. Содержаніе этой пѣсни таково: московская кралица вдовица заявляетъ, что не боится ни султана, ни визиря, а одного вышняго Бога. Услышавъ эту похвальбу султанъ и послалъ 77 пашей съ войскомъ, чтобъ вызвать московскую кралицу на бой. Кралица проситъ ихъ отсрочки (мюхлетъ), *пока она не заплететъ свою косу*. Паши не даютъ ей отсрочки и приступаютъ къ ней съ войскомъ. Тогда она, разгнѣванная, вскочила на коня съ распущенными волосами, вступила въ битву съ турками, билась три дня и три ночи, убила всѣхъ 77 пашей и послала ихъ головы султану, приглашая послать противъ нея еще столько же пашей. Кажется, можно согласиться съ Дозономъ, что эта пѣсня о московской царицѣ вдовѣ, разбивающей турокъ, представляетъ глухой отголосокъ

войнъ Екатерины II съ турками. Но любопытно, что на московскую

богатырщю царицу наслоилась та же сказочная черта, какъ на богатырщю Даригу, которая притомъ также называется *русской* царевной. А еще любопытнѣе то, на что уже указалъ г. Халанскій (Филологическ. Вѣстникъ 1884 г. т. II, стр. 245), что подобная же подробность рассказывалась въ древности о царицѣ Семирамидѣ. „Вскорѣ послѣ ея похода въ Индію, вспыхнулъ мятежъ въ ея государствѣ. Она сидѣла и *ей убирали волосы*, когда принесли ей извѣстіе объ этомъ бунтѣ. Вскочивъ съ мѣста съ распущенными волосами, бросилась она къ толпѣ недовольныхъ. Видъ разгнѣванной царицы тотчасъ усмирить бунтовщиковъ, и народъ успокоился. Въ память этого происшествія поставлена была статуя, представляющая Семирамиду въ томъ видѣ, какъ она явилась мятежникамъ”.

Какими неисповѣдимыми путями этотъ древнѣйшій восточный эпическій мотивъ блуждалъ тысячелѣтія и проникъ съ одной стороны къ киргизамъ Черно–Иртышской волости, съ другой — къ болгарамъ, и почему у тѣхъ и другихъ онъ приурочился къ *русской* богатырской женщинѣ, это — вопросы, на которые, быть можетъ, когда–нибудь и удастся отвѣтить.*)

Всеv. Миллеръ .

*) Еще замѣтку о боѣ отца съ сыномъ см. ниже, въ отдѣлѣ „Смѣси“.